

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Лельхова Федосья Макаровна,

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
(г. Ханты-Мансийск, РФ), lelhovafm@yandex.ru*

Введение. Лексика растительного мира хантыйского языка содержит значительный объем информации, тесно взаимосвязанной с этноментальностью, этнографией и мышлением народа, и представляет собой один из наиболее интересных пластов словарного состава, поскольку отражает степень практического и культурного освоения человеком окружающей природы. Цель нашей работы заключается в установлении лексико-семантических характеристик номинаций дикорастущих трав, определении их диалектных особенностей. Задачи исследования: выявить с возможно большей полнотой номинации травянистых растений, установить объем лексического значения каждого наименования в диалектах и говорах языка. Актуальность темы исследования определяется научным интересом к изучению диалектных различий между говорами в теоретическом и практическом плане, усилившимся в последнее время вниманием к народной духовной и материальной культуре, а также утратой современным хантыйским языком отдельных наименований растений.

Материалы и методы. В исследовании использован комплекс методов и приемов анализа лингвистического материала: метод семантической классификации, лексико-семантический анализ, словообразовательный, лингвогеографический анализ, а также элементы этимологического анализа. Основным методом при исследовании названий растений стало описание. Источником фактического материала послужил словарный фонд хантыйского языка, собранный в ходе полевых работ, по восточным диалектам – материалы, содержащиеся в лексикографических изданиях. При сборе лексического материала наблюдение велось в основном над речью представителей старшего поколения, а также людей, ведущих традиционный образ жизни, которые сохраняют живой разговорный язык. При этом фиксировались не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в беседах, воспоминаниях о прошлом.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение диалектного материала – названий растений в хантыйском языке – представляет значительный научный интерес. Жизнь народа ханты с древности тесно связана с природой, лексика растительного мира охватывает практически все сферы хозяйственной деятельности этноса, тем самым составляя большую часть его словаря. В хантыйском языкознании данный лексический пласт еще не являлся предметом специального и детального изучения, что делает его на сегодняшний день весьма актуальной исследовательской задачей. В статье выявляются признаки, лежащие в основе мотивации наименований растений, выделяется заимствованный компонент.

Заключение. Собранный лексический материал свидетельствует о богатстве и обширности фитонимической лексики хантыйского языка. Нами собрано около 50 наименований дикорастущих травянистых растений в северных и восточных диалектах хантыйского языка. В результате проведенного исследования были выявлены и описаны новые лексемы, уточнены толкования семантики лексем. Зафиксированы заимствования, имеющие русское происхождение. Установлено, что некоторые диалектные слова не имеют активного применения в современном хантыйском языке. В лексике флоры выявлено разнообразие принципов номинации.

Ключевые слова: хантыйский язык; диалекты; говоры; лексика; флора; названия растений; семантика; иноязычный компонент; лингвистика.

Благодарности: Автор благодарит проект Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden aruneuvojen laatiminen, а также фонд Koneen Säätiö, с помощью которых были организованы экспедиции к северным хантам и собран лексический материал по теме.

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Лексико-семантические особенности наименований травянистых растений в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 400–410.

Введение

Лексика растительного мира представляется одним из наиболее интересных пластов словарного состава, поскольку в ней отражается степень практического и культурного освоения человеком окру-

жающей природы. Исследовательский интерес к диалектной лексике, номинирующей и характеризующей флору, определяется следующими обстоятельствами: во-первых, она тесно связана с практиче-

ской и духовной жизнью человека, поэтому ее изучение приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития любого этноса; во-вторых, лексико-семантическое описание номинаций флоры позволяет наиболее полно отразить лексическое богатство диалекта; в-третьих, в данном пласте словарного состава присутствуют различные виды системных отношений, изучение которых поможет глубже понять закономерности образования и функционирования диалектной лексики.

Рассматриваемая группа лексики хантыйского языка, несомненно, обладает самобытностью и может представлять интерес в плане состава и системной организации. Она входит в активный словарный запас носителей диалекта, так как травянистые растения имеют большое практическое значение в жизни хантов: употребляются в пищу, используются в быту, в лечебных целях, служат кормом скоту, связаны с традициями, мировоззрением народа и т. д. Все это предопределяет широкий денотативный диапазон названий данной группы.

Исследование было предпринято с целью установить системные признаки обозначений указанной лексико-семантической группы слов, определить ее диалектные особенности. При этом решались следующие задачи: выявить с возможно большей полнотой номинации растительного мира, установить объем лексического значения каждого наименования в диалектах и говорах языка. Объектом изучения стали наименования травянистых растений в диалектах хантыйского языка.

Источником фактического материала послужил словарный фонд хантыйского языка, собранный в ходе полевых работ, а также материалы, содержащиеся в лексикографических изданиях¹. При сборе лексического материала наблюдение велось в основном над речью представителей старшего поколения, а также людей, ведущих традиционный образ жизни и сохраняющих живой разговорный язык. При этом

¹ См., например: Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.

фиксируются не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в беседах – воспоминаниях о прошлом.

Обзор литературы

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью указанной лексико-тематической группы в рамках хантыйского языкознания. Лексика растительного мира и ее тематические группы в диалектах хантыйского языка до сих пор подробно не рассматривались. Номинациям ягодной флоры в диалектах этого языка была посвящена наша предыдущая статья [10]. Имеется значительное количество работ по исследованию фитонимов в языках народов Севера, относящихся к различным языковым системам. В мансийском языке Е. И. Ромбандеевой названия растений рассмотрены с точки зрения происхождения, проведена этимологизация отдельных названий [14]. О. В. Сахарова на основе анализа флористической лексики селькупского языка выделила следующие тематические группы фитонимов: «Деревья и кустарники», «Ягодная флора», «Мхи», «Грибы», «Сельскохозяйственные культуры (овощи, злаки)». Автор отметила особую роль различных названий растений в формировании языковой картины мира селькупов [19]. Л. Ж. Заксор провела комплексное изучение способов номинации растений в нанайском языке – морфологического, лексико-семантического, синтаксического и способа заимствования лексем [2; 3]. В работах И. И. Садовниковой определены способы и модели образования растительных наименований в эвенском языке, дан их лингвистический анализ, рассмотрены основные пути обогащения растительной лексики [16; 17].

Интерес к изучению диалектных названий растений в русском языкознании наметился давно. В трудах исследователей проводится лексико-семантический, структурный, этимологический анализ наименований флоры в говорах. Данная группа лексики описана в лингвокультурологическом, лингвогеографическом, ког-

нитивно-ономастиологическом аспектах [1; 4; 11–13; 15; 20].

Исследователями хакасского языка рассматриваются вопросы истории изучения, способы и пути образования, истоки формирования названий растений в этом языке [7–9].

М. В. Сумачакова в работе, посвященной названиям растений в чалканском диалекте алтайского языка, сопоставляет их с аналогичными наименованиями в алтайском литературном, кумандинском и шорском языках. Автор описывает номинации растений, происхождение и способы образования лексем, выявляет общетюркские лексемы, названия, характерные для северных диалектов алтайского языка, и собственно чалканские фитонимы [21].

Особое внимание в новейших исследованиях уделяется лексике растительного мира как составной части языковой картины мира этноса [6; 8; 19].

Результаты исследования и их обсуждение

Принято считать, что названия травянистых растений в языках северных народов, к которым принадлежат и ханты, представлены небольшим числом лексем. В исследовании по одному из языков аборигенного народа – селькупскому – отмечается: «Небольшое количество названий травянистых растений, особенно в сравнении с перечнем произрастающих в природной зоне, свидетельствует об отсутствии у селькупов необходимости различения отдельных их видов. Следствием безразличного отношения данного народа к цветам и грибам стало употребление единичных их наименований» [19, 5].

В северных диалектах хантыйского языка трава, сено обозначаются существительным *тӱрән/турән*, в восточных ему соответствуют пр. *пом/нам*, в. *нам*, с. *пем*. Наличие лексемы *тӱрән/турән* обусловлено ареальными контактами с коми-зырянскими, хантыйская лексема оценивается как заимствование из коми языка (к.-з. *турун/турын*). В системе наименований травы наиболее интересны данные коми-зырянского языка и шурышкарского диалекта хантыйского

Рис. 1. Рящ – хвощ лесной

Fig. 1. Răshch – forest horsetail

языка, где общее значение выражается фонетически сходными лексемами².

Мелкая луговая трава, трава-мурава, описывается словами: сын., ш., к. *ваниши*, пр. *вансы*, с. *ванчэх*, в. *ньӱрӱм пам* ‘муравка’ (*ньӱрӱм* ‘кустарник, ракитник’). Эта лексема в сургутском диалекте имеет значение ‘трава куриная слепота (лютик)’.

Многолетнее травянистое растение хвощ, как и папоротник, в северных широтах растет повсеместно. В диалектах общим наименованием для лексем ‘хвощ’ и ‘папоротник сибирский’ служит номинация *рящ* (то же относится к таким видам папоротника, как лесной папоротник, орляк обыкновенный). Хвощ называют и иначе: *ӱлы лэты ӱт*, *ӱлы лэты рящ* ‘букв.: хвощ, который едят олени’.

Слово *рящ* имеет также значения ‘хвощ приречный’, ‘хвощ речной’. Для хвоща приречного есть и другая номинация – *лунт лэты тӱрән* ‘букв.: трава, которую едят гуси’. Этим растением питаются птицы: гуси, утки, лебеди, кулики и др. Летом

² См.: Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград, 2017. С. 169.

в деревнях, на летних рыбацких местах часто держали гусей, нередко в семьях жили утки и хозяева собирали для них мягкий хвощ.

Название еще одной разновидности хвоща мотивировано местом произрастания травы на болоте: *калэн энэмты рӑщ* ‘хвощ болотный’. В восточных диалектах бытуют следующие формы фитонима: в., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг. *пӑхраньть*, в.с. *пӑхрыньть* ‘хвощ полевой’, ‘попынь’.

В говорах хантыйского языка дягиль лекарственный (дудник лекарственный) называется *пухрац* (*пухэр* ‘остров лесной’ + *рӑщ* ‘хвощ’). Другое название растения – *лэты пухрац* ‘съедобный пухрац’. В начале лета, когда ствол дягиля еще не стал твердым, его употребляют в пищу, для этого хорошо очищают, поджаривают, коптят над огнем, чтобы вышла горечь. Свежий дягиль вкусно пахнет. Старожилы вспоминают, что во время войны дягиль ели, в нем много витаминов.

В хантыйском языке различают *лэты пухрац* ‘съедобный пухрац’ и *ӓт лэты пухрац* ‘пухрац, который не едят’ или *веллы пухрац* ‘пухрац, на котором нет бутончиков, несъедобный’. Борщевик называют *атэм пухрац* ‘букв.: плохой пухрац’, так как внешне похожее на дягиль растение ядовито. Некоторые носители языка затруднились в толковании лексемы *пухрац*, утверждая, что растение называется *борщевик* и что они едят борщевик.

Нам встретилась еще одна разновидность хвоща, называемая сын. *нӱль вой пухрац* ‘хвощ птицы нӱль вой’. Это не очень большое растение с белыми соцветиями обладает хорошими вкусовыми качествами, благодаря чему в начале лета ханты употребляют его в пищу.

Растительная лексика отличается богатством синонимических вариантов. Так, для одного только растения хвощ в диалектах зафиксировано несколько наименований разновидностей данной травы: *рӑщ*, *ӱлы лэты ӓт*, *ӱлы лэты рӑщ*, *лунт лэты тӓрэн*, *калэн энэмты рӑщ*, *пӑхраньть*.

Другим значением слова *рац* является ‘орнамент в виде зубчиков’, так как листья хвоща имеют форму зазубрин: *Сӓх рӑщэн щи йонтла* ‘На шубу нашивают зубчатый

Рис. 2. Рӑщ – папоротник сибирский

Fig. 2. Răshch – Siberian fern

Рис. 3. Рӑщ – хвощ приречный

Fig. 3. Răshch – riverine horsetail

Рис. 4. Пухрац (лэты пухрац) – дягиль лекарственный

Fig. 4. Pukhrashch – medicinal angelica

орнамент’. Номинация мотивирована по признаку наличия внешнего сходства листьев растений с элементом узора.

Хвощ и плаун внешне очень похожи, поэтому диалектоносители называют словом *рӑщ* также плаун. В школьном тематическом словаре ваховского диалекта наряду с общепотребительным словом *рӑщ* приводятся диалектные слова. Так, зафик-

сировано описательное название травянистого растения: *кѳтѳрки ѳнтѳв* ‘плаун (букв.: бурундука пояс)’³. Название является метафорическим и, вероятно, передает определенные внешние данные, сходство с животным. Метафорические номинации характеризуют образное мышление, поэтому неслучайно на первом месте оказывается мотивационный признак «форма», который на уровне глубинной номинации отражает богатство и разнообразие ассоциативных связей человека. Латинское наименование хвоща *Equisetum* переводится как ‘лошадиная грива’. В русском названии растения прослеживается образное сравнение с частью животного, а именно с хвостом. Если внимательно присмотреться к хвощовым, то можно убедиться в справедливости сравнения.

В восточных диалектах травянистое растение трилистник имеет название с. *зѳс* ‘букв.: звезда’. Очевидно, что в хантыйском языке растение получило такое наименование благодаря звездчатой форме цветов, имеющих белую, сиреневатую или розоватую окраску. В природе трилистник растет главным образом по берегам озер и рек, а также на заболоченных участках, отсюда вытекает номинация растения в ваховском диалекте *лѳтѳзѳс* ‘болотная трава’.

По признаку пригодности/съедобности растения в хантыйском языке делятся на хорошие и плохие. В данном случае в названии растений отражено оценочное отношение к миру флоры, что обусловило появление таких дескриптивных номинаций, как *йѳм тѳрѳн* ‘букв.: хорошая трава, хорошее растение’ / *ѳт рѳхты тѳрѳн* ‘непригодное (для пищи) растение’. Словосочетанием *йѳм тѳрѳн* обозначают, например, щавель, а также травы, которые едят животные. *Йѳм тѳрѳн, лѳлѳ* ‘Хорошая трава, едят ее’. *Йѳм тѳрѳн лѳхѳлѳлѳ* ‘Жует щавель, хорошую траву’. *Мисѳт, лѳвѳт йѳм тѳрѳн лѳлѳт* ‘Коровы, лошади едят хорошие, неядовитые травы’. Ядовитые несъедобные растения называют *ѳтѳм тѳрѳн* ‘букв.: плохая трава’ (ср.: *дѳбрѳя трѳвѳа,*

Рис. 5. Орнамент рѳщ (узор в виде зубчиков)

Fig. 5. Rāshch ornament (pattern in the form of teeth)

лѳтыѳе корѳнѳя, лѳхѳѳе трѳвѳы в русском языке).

Необходимо отметить, что в хантыйском языке названия имеют те растения, которые обладают важным значением для жизни народа. В первую очередь это травы, служащие кормом для животных: *лѳв тѳрѳн, мис тѳрѳн, ѳш лѳты тѳрѳн, лѳнт лѳты тѳрѳн, ѳлѳ лѳты тѳрѳн/лѳпѳт/ѳт, ѳмп рѳх* ‘водяника’ и т. д. Данные слова являются также и общими словами для номинации трав. Не различая травы, которые едят лошади, коровы, овцы, ханты часто называют их общими словами, например: *лѳв тѳрѳн* – это овес, конопля, пырей, трава хѳлам; *ѳлѳйѳн лѳты тѳрѳн* ‘растения, поедаемые оленем’ – пушица, хвощ и т. д. Не менее важно бытовое применение растений, что отражается в номинациях. Травы, использующиеся для циновок, стелек обуви, называются в языке *вѳй илѳм тѳрѳн* ‘трава [для] стелек обуви’ (пырей, осока и др.), *нѳры тѳрѳн* ‘трава [для] циновок’ (осока, ситник, пырей, камыш и др.).

В сынском диалекте для обозначения сорняков употребляются следующие наименования: *нѳх сѳхѳтты тѳрѳн* ‘букв.: трава, которую выдергивают’, *лѳтѳт ѳйѳкѳлѳты тѳрѳн* ‘сорняки (букв.: портя-

³ См.: Хантыйско-русский тематический словарь (ваховский диалект) / сост. Т. Ф. Каткалева; под ред. Н. А. Лысковой. Санкт-Петербург, 2001. С. 6.

щая еду трава)'. В васюганском говоре название сорного травянистого растения лопух, репейник передается словосочетанием *амкол пӕхрынь'ть* 'букв.: собака язык полынь'.

В говорах хантыйского языка для обозначения травянистого растения пырей употребляются как исконные слова, так и заимствованные. Пырей – высокая сорная трава. В сынском диалекте в названии травы лежит метафора: *хӱв кӱрни тӱрэн* 'длинноногая трава'. Такое название пырей получил за длинный стебель, т. е. мотивационным признаком послужили внешний вид, особенности строения стебля. Корни пырея – тонкие, разветвленные, очень прочные, ползущие корневища. Их характерная форма со многими узлами и разветвлениями обусловила появление номинации в *мулӱн нам* 'пырей (букв.: узловатая трава)', в которой указывается на узловатость, крепость корней.

Еще одно название пырея мотивировано предназначением по функции: сын. *вай илӱм тӱрэн*, с. *ылӱм пом* 'трава, используемая в качестве стельки'. Эту траву кладут в меховую обувь (*вай, тунӱр*) и обувь из кожи оленя (*нӱки вай*), у восточных хантов – из кожи выдры, для тепла и сохранения формы. Среди лексем данной лексико-семантической группы нам встретилось единственное название, мотивированное половыми характеристиками человека: в. *куйтам* 'букв.: мужская трава'. Наряду с хантыйскими названиями в настоящее время пожилыми носителями языка используется и заимствованное слово *пырей* 'пырей'.

В хантыйском языке исконное название крапивы – сын., ш. *пӱлӱн*, к. *пулӱн*, в. *полӱн*. В ваховском диалекте словом *полӱн* обозначают и коноплю. В сынском диалекте употребляется сокращенная форма слова *пӱл*, *пӱл тӱрэн*, а также форма *пӱлӱн*: *Пӱлӱн энӱмӱл* 'Растет крапива'. *Пӱл* – *щит тӱрэн* 'Пӱл – это трава'. В основе другого наименования крапивы лежит сема 'жалить, жечь, уколоть': сын. *пелысӱты лыптӱт* 'колющиеся цветы', *пелысӱты йӱх* 'колющееся дерево (кусты)'. Это название крапива получила вследствие обжигающего свойства, харак-

терного воздействия растения на человека, животных. В недалеком прошлом ханты использовали крапиву для плетения веревок. Известно, что обские угры владели секретами крапивного ткачества, крапива служила материалом для изготовления тканей: *Пӱлӱн элты катра ийшкан верӱлӱса* 'Из крапивы в прошлом ткани изготовляли'. В современном хантыйском языке в активном употреблении находится и заимствованное слово *кӱрпива*.

В числе исследуемых фитонимов встретилось описательное название для подорожника: сын., ш. *курт хӱр тӱрэн*, к. *керт хӱр лыпӱт* 'подорожник (букв.: трава/растение территории деревни)'. Номинация указывает на место произрастания травы.

Главным мотивационным признаком, лежащим в основе наименования конопли, является форма листьев. Лист конопли сильно рассеченный, лопастный, причем число лопастей обычно бывает нечетным. Размер листьев увеличивается от основания стебля к его середине, но к верхушке наблюдается постепенное уменьшение числа лопастей. Форма листьев растения послужила причиной появления словосочетания: сын. *лӱпсӱн тӱрэн* 'конопля (букв.: трава с плоскими широкими [листьями])'. Коноплю также называют *лов тӱрэн* 'букв.: лошади трава', поскольку она является кормом для лошади.

Высокую траву с толстым полым стеблем, растущую в воде, у берегов рек, озер, ханты называют сын. *хӱлам* 'тростник, камыш, камыш озерный', *хӱлам тӱрэн* 'трава холам'. Листьев у травы нет, в высоту она достигает 3–5 м. Это растение очень любят лошади. Осенью, когда вода убывает, озера, речки пересыхают, трава *хӱлам* лежит на земле. В это время люди подбирают ее, заготавливают для животных. В коми языке лексема *холам* 'трава, растущая на заливных лугах' заимствована ижемскими коми, в XVIII–XIX вв. интенсивно переселявшимися в Северное Зауралье в поисках лучших пастбищ для оленей, охотничьих и рыболовных угодий. Переселившись, они перенимали слова, отражавшие специфические условия Нижнего Приобья [5, 104]. В ваховском

диалекте для обозначения травы камыш употребляется лексема *нәурьы*. Траву используют для изготовления циновок, которые плетут особым способом.

Осока в хантыйском языке называется сын., ш. *песлау*, *песлау торән* ‘трава осока’, в. *пэсләх* ‘осока’. Словом *песлау* называют также чертополох поникающий, растущий во влажных местах. Осока широко применялась в быту этноса в самых различных целях. Осеннюю траву собирали и плели из нее различные виды циновок для постели (*норы сэвля*, *тәхар*) либо использовали в качестве стелек для обуви (*вай иләм тәрән сэвля*). Материалом для изготовления циновок кроме осоки служили ситник, пырей и камыш. Из плетеной осоки шили круглые салфетки, на которых ели сырую рыбу. Практическое использование растения определило мотивационный признак «бытовое использование».

Для обозначения понятия солома в хантыйском языке служит словосочетание *сүс пелә нөвийя ийвәм тәрән*. В ваховском диалекте прошлогодняя высушенная трава называется *ләхы нам*. Побелевшую осеннюю траву используют в качестве стелек, плетут из нее также *норы* ‘циновка, сплетенная из травы’, *тәхар* ‘нижняя циновка из травы, кладущаяся под норы’.

В сухих сосновых лесах произрастает вечнозеленый стелющийся кустарник – толокнянка. В народной речи это растение имеет несколько наименований: с. *амп канәк* ‘букв.: собачья ягода’, сын. *лүк лэты рых* ‘медвежья ягода (букв.: ягода, которой питаются глухари)’, а также сакральную номинацию: сын. *ин икев воьцитот* ‘медвежья ягода (букв.: собираемое стариком (медведем))’. В хантыйской культуре особое отношение к толокнянке, так как это *йэмән воьцитот* ‘священная ягода (букв.: то, что собирают)’. Толокнянкой питаются глухари, медведи и другие животные, человеку есть ее нельзя. Как уже отмечалось, толокнянка несколько похожа на бруснику. Растения отличаются формой листьев. У брусники листья овальные, или эллипсовидные, на внутренней стороне – темные точки. У толокнянки листья, словно ушки медвежонка, – сверху широкие, книзу су-

женные. Поэтому в русском языке ее еще именуют медвежьим ушком. Толокнянкой растение назвали за мучнистую структуру ягод, которые, если их разжевать, напоминают толокно. Ягода толокнянки в отличие от сочной вкусной брусники – костянка, в которой всего пять косточек. Плоды растения невкусные и не относятся к съедобным. На Севере толокнянка растет в лесах, сухих сосновых борах, в тундре. Она не любит сильной влажности и тени, предпочитает места посуше и посветлее, может расти и на опушке. Носители хантыйских диалектов рассматривают данную ягоду как источник пищи для птиц и животных, что и является мотивационным признаком.

Растение дикий лук в хантыйской народной речи имеет несколько наименований в зависимости от признака, положенного в основу номинации: *лэты лүк* ‘лук, который едят (букв.: кушать, лук)’, сын. *унт лүк* ‘дикий лук (букв.: лесной лук)’, *пан лүк* ‘береговой лук (букв.: песчаный берег, лук)’, *тәрән лүк* ‘лук-трава’. В ваховском, васюганском говорах лук называется *әмп ньәләм* ‘черемша (полевой луг) (букв.: собаки язык)’. Диалектная номинация нередко дается растению на основе сходства с другими объектами. В русском языке номинация ‘собачий язык’ объясняется сходством формы листьев с языком животного [12]. Широкое распространение в хантыйском языке получило заимствование: ш., к. *лүк* – с замещением гласного звука в соответствии с фонетическими законами языка.

Для обозначения растений, используемых в качестве чая, в диалектах языка употребляются следующие наименования: сын. *унт шай* ‘иван-чай’, *шай лытэт* ‘лист для чая (букв.: чай, лист)’, *лытэт шай* ‘мята’, ‘таволга’, ‘иван-чай (букв.: листовой чай (лист, чай))’. В современном хантыйском языке распространена и заимствованная калькированная форма слова *иван-шай* ‘иван-чай’. В 1950–1960-е гг., когда еще не было плиточного чая или он был не так широко доступен, сынские ханты в деревнях собирали и заготавливали на зиму в холщовые (или джутовые) мешки таволгу. Зимой пили полезный и вкусный чай, заваренный из листьев и цветков растения.

Заключение

Изучение лексико-семантических групп в диалектах хантыйского языка способствует обогащению словарного состава, так как в них выявляются лексемы, которые в повседневной речи носителей языка часто не встречаются.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в диалектах и говорах хантыйского языка имеется немалое количество названий дикорастущих трав, что демонстрирует богатство народной речи. Это связано с тем, что северный этнос использовал растения в быту, изготовлял из них постельные принадлежности, травы служили кровом для животных, людей, являлись кормом для птиц, домашних животных, а также, в ограниченном количестве, источником питания для людей, применялись в лечебных целях. Выявлено и описано большое количество диалектных наименований растений, которые прежде не были предметом специального лингвистического описания. В научный оборот введен ряд собственно диалектных наименований, не отмеченных ранее в словарях, научной литературе. Это разновидности хвоща: *лунт лэты тёрэн* 'хвощ приречный, речной', *нуль вой пухрац* 'хвощ птицы нуль вой', *калэн энэмты райц* 'хвощ болотный', наименования других трав: *хүв кърпи тёрэн* 'пырей', *пүл, пүл тёрэн* 'крапива', *лоссаң тёрэн* 'конопля', *хёлам* 'камыш, тростник', *пан лүк* 'береговой лук (букв.: песчаный берег, лук)', *тёрэн лүк* 'лук-трава', *нөх сухэтты тёрэн* 'сорняк (букв.: трава, которую выдергивают)', *лэтот шякэжты тёрэн* 'сорняки (букв.: портящая еду трава)' и т. д. Уточнено толкование слова *пухрац*, одно из его значений 'дягиль лекарственный' в словарях до сих пор не фиксировалось.

Нами собрано около 50 наименований трав, бытующих в северных и восточных диалектах хантыйского языка. Важное значение в их номинации имеет практическое применение растений в жизни хантов в качестве корма для животных, материала для использования в быту. Определенную роль в пополнении лексики растительного мира хантыйского языка сыграл иноязычный компонент. В составе данной лексики представлены шесть заимствованных номинативных единиц, проникших из русского и коми языков, в том числе калькированные формы: *тёрэн, кърпива, иван-шай, лүк, пырэй, кэти күйш*.

Одно и то же растение в хантыйском языке может иметь несколько названий. Признаки, положенные в основу номинации, разнообразны. В наименованиях травянистых растений отражаются особенности произрастания, формы, внешнего вида, характер воздействия на человека, функциональные свойства растения. Немаловажное значение имеет такой признак, как употребление птицами, животными в качестве корма. Особый интерес вызывают названия с переносной семантикой – метафорические и метонимические.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>аг.</i> –	аганский говор сургутского диалекта
<i>в.</i> –	ваховский диалект
<i>вас.</i> –	васюганский говор вах-васюганского диалекта
<i>к.</i> –	казымский диалект
<i>к.-з.</i> –	коми-зырянский язык
<i>пр.</i> –	приуральский диалект
<i>с.</i> –	сургутский диалект
<i>сын.</i> –	сынский диалект
<i>тр.-юг.</i> –	тром-юганский говор сургутского диалекта
<i>у.-аг.</i> –	усть-аганский говор сургутского диалекта
<i>у.-юг.</i> –	усть-юганский говор сургутского диалекта
<i>ш.</i> –	шурышкарский диалект
<i>юг.</i> –	юганский говор сургутского диалекта

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григоренко Н. А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. 22 с.
2. Заксор Л. Ж. Лексическая мотивация названий растений в нанайском языке // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 1998. С. 89–94.
3. Заксор Л. Ж. Способы номинации растений в нанайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 24 с.

4. Иванов В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985. 22 с.
5. Игушев Е. А. Функционирование заимствований в ижемском диалекте коми языка // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 103–106. (Труды института языка, литературы и истории; № 31).
6. Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2016. 43 с.
7. Каскарова З. Е. Фитонимы общетюркского происхождения в хакасском литературном языке // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхон-енисейской письменности): материалы Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). Абакан, 2013. Ч. 1. С. 123–125.
8. Каскаракова З. Е. Флоронимы как составная часть хакасской картины мира // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Абакан, 19–20 мая 2016 г.). Абакан, 2016. С. 195–198.
9. Каскаракова З. Е., Абдина Р. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С. К вопросу об исследовании фитонимов хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (74). С. 380–382.
10. Лельхова Ф. М. Номинации ягодной флоры в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 6–11. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.006-011
11. Лукьянова И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономазиологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 23 с.
12. Майер П. А. Форма в основе номинации растений в донских говорах // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 598–600.
13. Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2001. 18 с.
14. Ромбандеева Е. И. Этимология названий деревьев и кустарников в мансийском (вогульском) языке // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 46–48.
15. Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2009. 25 с.
16. Садовникова И. И. Лексика, обозначающая растительный мир в эвенском языке // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: сб. науч. ст. Якутск, 2007. С. 254–256.
17. Садовникова И. И. Лексика растительного мира в эвенском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 18 с.
18. Садовникова И. И. Фитонимы в эвенском языке // Языки и фольклор народов Севера: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е. А. Крейнвича (г. Якутск, 8 июня 2006 г.). Новосибирск, 2008. С. 78–80.
19. Сахарова О. В. Флористическая лексика селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2010. 25 с.
20. Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области (номинативный и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 20 с.
21. Сумачакова М. В. Названия растений в чалканском диалекте алтайского языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2005. Вып. 17: Чалканский сборник. С. 63–85.

Поступила 15.10.2020, опубликована 25.12.2020

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE NAMES OF HERBACEOUS PLANTS IN DIALECTS OF THE KHANTY LANGUAGE

Fedosia M. Lelkhova,

*Candidate Sc. {Philology}, Leading Research Fellow,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
(Khanty-Mansiysk, Russia), lelhovafm@yandex.ru*

Introduction. The vocabulary of the plant world of the Khanty language contains a significant amount of information, closely connected with ethno-mentality, ethnography and thinking of the people. In this regard, the study of vegetation seems to be one of the most interesting layers of the vocabulary, since it reflects the degree of practical and cultural development of the surrounding nature. The purpose of the article is to establish the lexical and semantic features of the nominations of wild-growing herbs, the definition of dialectal features. The aim of the research is to identify the nominations of herbs with the greatest possible completeness, to establish the lexical meaning of each name in dialects of the language. The relevance of the topic is determined by the research interest to the study of differences between the dialects in the theoretical and practical terms; the attention recently been paid to folk spiritual and material culture; and the loss of certain plant names in the modern Khanty language.

Materials and Methods. The study uses a set of methods and techniques for analyzing linguistic material: the method of semantic classification, lexical-semantic analysis, word-formation, linguistic-geographical analysis, as well as the elements of etymological analysis. The description is the main method for studying names of the plants. The source of the material is based on the vocabulary of the Khanty language, which was collected during field work; the source of Eastern dialects was the materials contained in lexicographic publications. When collecting the lexical material, the observation was conducted mainly on the speech of representatives of the older generation, as well as the people who have a traditional way of life, who retain the patterns of active spoken language. At the same time, not only facts that are in the active vocabulary of speakers were recorded, but also the words related to the passive vocabulary, which native speakers use only in conversations and sharing the memories of the past.

Results and Discussion. The study of dialectal material based on the names of plants in the Khanty language is of great research interest. The life of the Khanty people since ancient times is closely connected with nature, the vocabulary of the plant world covers almost all spheres of economic activity of the Khanty, thereby making up a significant part of their vocabulary. In Khanty linguistics, this vocabulary has not yet been the subject of a special and detailed study, which makes it an urgent research task for today. The article identifies the signs that underlie the motivation of plant names and highlights the borrowed words.

Conclusion. The collected vocabulary tells about the richness and vastness of phytonymic vocabulary of the Khanty language. The authors collected about 50 Khanty names of wild herbaceous plants in the Northern and Eastern dialects of the Khanty language. As a result of the research, new lexemes were identified and described, and the interpretation of the semantics of lexemes was clarified. Late borrowings of Russian origin are recorded. It was found that some dialect words are not actively used in the modern Khanty language. In flora vocabulary, the diversity and multiplicity of the nomination principles was revealed.

Key words: Khanty language; dialects; dialects; vocabulary; herbs; plant names; semantics; foreign language component; linguistics.

Acknowledgements: The author thanks the Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden apuneuvojen laatiminen project, and Koneen Säätiö foundation, with the help of which the expeditions to the northern Khanty were organized and lexical material on the topic was collected.

For citation: Lelkhova FM. Lexical and semantic features names of herbaceous plants in dialects of the Khanty language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 400–410. (In Russian)

REFERENCES

1. Grigorenko NA. The vocabulary of flora and fauna in the dialects of the Kamchadals. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Iaroslavl', 2007. (In Russian)
2. Zaksor LZh. Lexical motivation of plant names in the Nanai language. *Iazyki narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: sb. nauch. tr.* = Languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East. Collection of proceedings. Sankt-Peterburg; 1998: 89–94. (In Russian)
3. Zaksor LZh. Ways of nominating plants in the Nanai language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Sankt-Peterburg; 2005. (In Russian)
4. Ivanov VA. The names of plants in central Russia (based on the Kaluga dialects). *Ab-*

- stract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moskva; 1985. (In Russian)
5. Igushev EA. The functioning of borrowings in the Izhma dialect of the Komi language. *Voprosy leksikologii i slovoobrazovaniia komi iazyka* = Questions of lexicology and word formation of the Komi language. Syktyvkar; 1984; 31: 103–106. (In Russian)
  6. Isaev YuN. Phytonymic picture of the world in different-structured languages. Abstract of dis. ... Ph.D. of Philol. Sci. Cheboksary, 2016. (In Russian)
  7. Kaskarova ZE. Phytonyms of common Turkic origin in the Khakass literary language. *Tiurkskaia runika: iazyk, istoriia, kul'tura (k 120-letiiu deshifrovki orkhono-eniseiskoi pis'mennosti): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Türkic runic: language, history, culture (to the 120th anniversary of the decoding of the Orkhon-Yenisei writing). Materials of the International Scientific Conference. Abakan; 2013; 1: 123–125. (In Russian)
  8. Kaskarakova ZE. Floronyms as an integral part of the Khakass picture of the world. *Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Abakan; 2016: 195–198. (In Russian)
  9. Kaskarakova ZE, Abdina RP, Beloglazov PE, Kyzlasov AS. On the study of phytonyms of the Khakass language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = World of Science, Culture, Education. 2009; 1 (74): 380–382. (In Russian)
  10. Lelkhova FM. Nominations of berries in the dialects of the Khanty language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 6–11. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.006-011 (In Russian)
  11. Lukyanova IV. Dialect phytonomy in the cognitive-onomasiological aspect. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tomsk; 2018. (In Russian)
  12. Mayer PA. Form in the basis of the nomination of plants in the Don dialects. *Molodoi uchenyi* = Young scientist. 2015; 20 (100): 598–600. (In Russian)
  13. Naletova NI. The names of plants in Pskov dialects. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Pskov; 2001. (In Russian)
  14. Rombandeeva EI. Etymology of the names of trees and shrubs in the Mansi (Vogul) language. *Narody Severo-Zapadnoi Sibiri* = Peoples of North-West Siberia. Tomsk; 2002; 9: 46–48. (In Russian)
  15. Savvina YuYu. Phytonymic vocabulary of Yelets dialects. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Briansk; 2009. (In Russian)
  16. Sadovnikova II. Vocabulary denoting the plant world in the Even language. *Problemy rodnogo iazyka v usloviakh globalizatsii i integratsii sovremennogo obshchestva: sb. nauch. st.* = Problems of the native language in the context of globalization and integration of modern society. Collection of scientific articles. Yakutsk; 2007: 254–256. (In Russian)
  17. Sadovnikova II. Plant lexicon in the Even language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Sankt-Peterburg; 2010. (In Russian)
  18. Sadovnikova II. Phytonyms in the Even language. *Iazyki i fol'klor narodov Severa: materialy nauch.-prak. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia E. A. Kreinovicha* = Languages and folklore of the peoples of the North. Materials of the Scientific and Practical Conference. 100th anniversary of the birth of E. A. Kreinovich. Novosibirsk; 2008: 78–80. (In Russian)
  19. Sakharova OV. Floristic vocabulary of the Selkup language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tomsk; 2010. (In Russian)
  20. Smirnova OV. Plant lexicon in the dialects of the Voronezh region (nominative and linguogeographical aspects). Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moskva; 2002. (In Russian)
  21. Sumachakova MV. Plant names in the Chalkan dialect of the Altai language. = Languages of the indigenous peoples of Siberia. Novosibirsk; 2005; 17: 63–85. (In Russian)

Submitted 15.10.2020, published 25.12.2020